

УДК 37.015
ББК 74.3(2)53
DOI: 10.46726/Н.2021.1.11

А. С. Хрипунов

СКЛАДЫВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

В статье рассматриваются основные положения либеральной программы развития народного образования в России на рубеже XIX—XX вв. Особенное внимание уделяется институциональному оформлению либерального движения в России, разработке различных проектов программ реформирования российской школы. Дается анализ программных требований ведущих либеральных партий России — кадетов и октябристов, выделяются схожие и отличающиеся черты их программ. Особое внимание уделяется вопросу о либеральном взгляде на проблемы введения всеобщего обучения, развития среднего образования, высшей школы, а также проблемам образования и воспитания инородцев. Отмечается, что образовательные программы либералов были тесно связаны с их политическими и экономическими доктринами. Реформированное образование рассматривалось ими как фундамент будущего гражданского развития страны, а также роста производительных сил народа и его благосостояния. Анализируются сходства и различия подходов кадетов и октябристов к решению проблем образования, а также их ключевые противоречия. Отмечается важность либеральных концепций как наиболее адекватных общественно-политическим и социально-экономическим реалиям царской России в эпоху правления Николая II.

Ключевые слова: политические партии, кадеты, октябристы, либеральное движение, Государственная Дума, народное образование.

A. S. Khripunov

THE EMERGENCE AND EVOLUTION OF THE LIBERAL PROGRAM OF PUBLIC EDUCATION DEVELOPMENT IN RUSSIA IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURY

The article deals with the main provisions of the liberal program for the development of public education in Russia at the turn of the XIX—XX centuries. Particular attention is paid to the institutionalization of the liberal movement in Russia, the development of various projects of programs for reforming the Russian school. An analysis of the program requirements of the leading liberal parties of Russia — the Cadets and Octobrists — is given, similar and distinguishing features of their programs are highlighted. Particular attention is paid to the issue of a liberal view of the problems of introducing universal education, the development of secondary education, higher education, as well as the problems of education and upbringing of national minorities. It is noted that the educational programs of the liberals were closely related to their political and economic doctrines. The reformed education was considered by them as the foundation for the future civil and legal development of the country, as well as the growth of the productive forces of the people and their well-being. The similarities and differences in the approaches of the Cadets

© Хрипунов А. С., 2021

and Octobrists to the solution of educational problems, as well as their key contradictions, are analyzed. The importance of liberal concepts as the most adequate to the socio-political and socio-economic realities of tsarist Russia during the reign of Nicholas II is noted.

Key words: political parties, Cadets, Octobrists, liberal movement, State Duma, public education, universal primary education.

Одной из важнейших проблем развития России на рубеже XIX—XX вв., которая косвенно или прямо затрагивала все иные сферы жизни общества, была проблема недостаточного развития системы народного образования. Она была сложной и заключалась в: 1) архаичности отечественной школы всех уровней, основы которой были заложены еще в дореформенный период; 2) чрезмерном многообразии типов школ, различии программ обучения, что затрудняло переход из низших учебных заведений в средние и высшие; 3) недоступности элементарного образования для большинства населения; 4) несоответствии образовательных программ местным условиям и новому хозяйственному укладу; 5) тотальном недофинансировании образования со стороны государства, что усугубляло все другие факторы.

Одну из наиболее аргументированных и проработанных попыток вывести отечественное образование из кризиса предприняли русские либералы. Либерализм в России, как широкое общественное течение, значительно влиявшее на большинство общественных процессов, сложился в России к середине XIX в., закрепился вместе с реформами 1860—1870-х гг.

Именно в эту эпоху произошло первое институциональное обособление представителей либеральной мысли России. Городское и земское самоуправление стало оплотом их деятельности. Постепенно, к 1870—1880-м гг., земства переходят от обслуживания нужд местной администрации, которые входили в т. н. «обязательные повинности» (содержание полицейских квартир, строительство и ремонт дорог и проч.), к широкой гуманитарной деятельности. Наиболее активно она выражалась в области здравоохранения и народного образования. Так, открытие и содержание школ становится одной из важнейших расходных статей земств [20, с. 64—68].

Именно в этот период были сформулированы основные принципы либеральной концепции образования: общеобразовательная школа, возможность беспрепятственного перехода из школы одной ступени в школу другой ступени, широкая автономность, отсутствие всякого рода искусственных ограничений доступа к образованию (половых, национальных, религиозных, сословных). Сложившись прежде всего в среде земств, либеральная программа народного образования окончательно утвердила принцип равенства. Это должно было стать еще одним ударом по традиционному обществу.

Вопросы образования пользовались повышенным вниманием не только со стороны органов местного самоуправления. Во второй половине XIX в. в большом количестве стали возникать учительские и просветительские общества либерального толка: Московское общество распространения технических знаний, Санкт-Петербургское педагогическое собрание, педагогические общества в Москве, Одессе, Казани, в других городах. Наиболее активными были комитеты грамотности в Москве и Петербурге. В их работе принимали участие виднейшие русские педагоги и земские деятели — С. Ф. Ольденбург, В. П. Вахтеров, князь Д. И. Шаховской, А. Ф. Петрушевский, Д. Д. Протопопов

и др. [16, с. 4]; в 1890-е гг. их состав пополнили в будущем видные педагоги и историки образования Г. А. Фальборк и В. И. Чарнолуский. Многие из них в начале XX в. влились в активную политическую деятельность, представляя либеральные партии и организации.

Участники этих обществ пытались выработать теоретические основы реформ всех ступеней школы с учетом нужд населения и государства в целом. Однако, принимая во внимание низкую материальную базу народного образования в России, авторитарный характер государства, а зачастую и дилетантизм самих либералов, мы должны отметить, что все попытки разработать какие-либо проекты не увенчались успехом.

Первой организацией либерального толка, имевшей свою определенную программу, был кружок «Беседа» (1899—1905 гг.). В него входили видные представители интеллигенции, будущие деятели партии кадетов и октябристов — Д. И. Шаховской, В. А. Маклаков, П. А. Гейден, Д. Н. Шипов, Н. А. Хомяков и др. [17, с. 41—53]. Вопросы образования были одной из центральных тем обсуждения кружка. Они выработали идею о необходимости общественного контроля над образованием [17, с. 120—121]. Их взгляды получили развитие в сборнике «Всеобщее образование в России» [2].

Более серьезными либеральными организациями, уже ставившими в числе своих целей и организацию партий, стали «протопартийные» структуры — Союз освобождения и Союз земцев-конституционалистов, появившиеся в 1903—1904 гг. [7, с. 62, 74]. Важным является тот факт, что их появление фактически стало следствием ужесточения цензурной политики правительства и усиления борьбы с любой оппозицией, в число которой попали и различные либеральные организации — столичные комитеты грамотности, Вольное экономическое общество и др. Значительная часть интеллигенции резко полевела в своих убеждениях, другая заняла выжидательную позицию. Так или иначе, образовавшиеся союзы освобожденцев и земцев-конституционалистов носили нелегальный характер.

Несмотря на то, что помимо «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов» существовали и другие объединения либерального толка, именно они составили ядро партии кадетов, а также сыграли заметную роль в обособлении Союза 17 октября. Именно программные установки освобожденцев и земцев-конституционалистов легли в основу партийной программы кадетов. Несмотря на значительную степень общности целей и задач обеих организаций, они не были идентичными по социальному составу и тактике. Союз освобождения находился на левом фланге либерализма, был демократичен по составу. Сравнивая программу освобожденцев с программой земцев-конституционалистов, ряд историков характеризует первых как представителей радикального либерализма [13, с. 7].

Обе организации, включавшие в свой состав людей, имевших богатый опыт работы напрямую с населением, знавших его чаяния и нужды, выступали за введение в России конституции. Широкая политическая и социальная программа синтетически включала в себя и вопросы образования. Так, по воспоминаниям видного земского деятеля и члена партии октябристов Д. Н. Шипова, на первом общеземском съезде в мае 1902 г. была выработана общая программа, затрагивающая главным образом вопросы экономического развития села и города. Важным, с точки зрения развития народного образования, здесь был пункт, требующий обеспечения общедоступности образования, расширения программы начального обучения, предоставления прав широкой

инициативы в этой сфере для общественности [24, с. 167]. Это тесно связывалось с развитием отечественного промышленного и сельского производства.

Это стало первым шагом в деле оформления либеральной программы образовательной реформы. Безусловно, эта проблема поднималась в учительских организациях, комитетах грамотности, земских кружках и раньше, но зачастую последние просто констатировали пагубное положение в стране, предписывали необходимый идеал, к которому следует стремиться.

Следующим шагом к формированию либеральной доктрины стало появление полноценных программ Союза освобождения и земцев-конституционалистов [22, с. 24—40]. Проблемы образования занимали в них важное место, связывались с социально-экономическими, общественно-политическими и этнокультурными вопросами. Так программа освобожденцев, принятая весной 1905 г., содержала следующие требования: введение в России всеобщего начального (затем и обязательного) светского обучения, передача начального и среднего образования на места, автономия высшей школы, преемственность учебных программ всех ступеней образования, приспособление нужд среднего образования к местным условиям [7, с. 160]. Очевидно, за основу образовательной доктрины были взяты высказанные на ноябрьском общеземском съезде 1904 г. тезисы [7, с. 125—132]. Конкретизированные, они составили ядро программы освобожденцев.

Отметим, что преобразования высшей школы программой Союза освобождения тесным образом связывались с развитием гражданского общества и правового государства. В условиях авторитарного самодержавно-монархического режима, демократизация высшей школы была маловозможна.

Программа земцев-конституционалистов по вопросам образовательной политики повторяла основные положения программы «Союза освобождения», но с некоторыми отличиями. Так они считали, что вводить бесплатность образования на всех ступенях является преждевременной мерой [10, с. 307]. Земцы-конституционалисты считали, что полное содержание среднего и высшего образования государством и органами местного самоуправления повысит налоговую нагрузку на население, особенно сельское, которое и так вынуждено платить значительные сборы.

Таким образом, образовательные программы наиболее значительных либеральных протопартийных организаций, очевидно, носили прогрессивный характер. Их авторы учитывали позитивный мировой опыт, прежде всего западноевропейский, те представления о формах народного образования, которые сложились в русской либеральной педагогической среде в предшествующий период. Их программные положения в области просвещения органично вписывались в социально-экономическую и политическую доктрину.

Представители либеральной мысли первыми приступили к созданию легальных политических партий. Главными атрибутами любой партии являются ее устав и программа. Первой на политическую сцену, среди либералов, вышла партия кадетов, учредительный съезд которой проходил 12—18 октября 1905 г., и на котором была выдвинута партийная программа, опиравшаяся, главным образом, на программу Союза освобождения. Для составления раздела о просвещении была создана специальная комиссия, которая рассмотрела программы Союза освобождения и Союза земцев-конституционалистов в этой области. В выработке конечного текста принимали участие И. М. Сахаров, Э. Д. Grimm, С. А. Котляревский и некоторые другие. За основу также была взята программа освобожденцев [3, л. 8—10]. Свой окончательный

вид она приобрела уже на II съезде в январе 1906 г., где она была конкретизирована по ряду вопросов.

Союз 17 октября начал свое организационное оформление сразу после издания одноименного манифеста. Ее костяк составило «меньшинство» земско-городских съездов во главе с А. И. Гучковым [21, с. 190]. В отличие от кадетов, полагавших, что этот документ является первым шагом к более серьезным преобразованиям, октябристы считали, что права и свободы, дарованные манифестом, уже достаточны, а главной задачей общественных сил является их закрепление и недопущение разрастания революционного хаоса в стране. Уже в ноябре 1905 г. октябристами был подготовлен текст «Воззвания» к избирателям под подписью председателя московского отделения ЦК Д. Н. Шипова, где и были изложены наиболее общие партийные задачи — борьба с реакцией и борьба с революцией [23].

Образовательная программа кадетов в исследуемый хронологический период никак не изменялась. Ее основные положения легли в основу деятельности Лиги образования (всероссийская общественная просветительская организация, существовавшая в 1906—1917 гг.). Формально она носила беспартийный характер, однако, среди ее руководства мы видим представителей партии кадетов: П. Н. Милюкова, А. А. Мануйлова, А. А. Шахматова, Г. А. Фальборка, В. И. Чарнолуцкого и др. Проекты реформ Лиги часто использовались кадетами как свои собственные, представлялись ими в качестве законопроектов в Думе. Ее местные отделения использовались для ведения агитационной партийной работы. То есть можно утверждать, что Лига образования являлась профильной кадетской организацией, труды ее лидеров часто дополняли и разъясняли кадетскую программу. Например, к работе в созданной в 1907 г. фракционной комиссии по народному образованию привлекался Г. А. Фальборк [1, с. 46]. Кадетский проект «Положения о школах», внесенный в III Думу, также был создан в недрах Лиги образования. В 1908 г. по ее инициативе в столице была открыта Педагогическая академия [22, с. 303].

Получила дальнейшую разработку и октябристская доктрина, ее основные пункты уточнялись и разъяснялись на партийных съездах. Очевидно, что активное внимание к вопросам образования объяснялось определяющим местом их в либеральной программе преобразований, а также фактически prevailing положением партии октябристов в III Государственной Думе. Так после победы на выборах в 1907 г. член фракции октябристов Е. П. Ковалевский прямо обозначил приоритеты их деятельности, назвав ее «Думой народного просвещения» [5, стб. 407]. Активизация октябристской фракции в этом вопросе требовала от них не только уточнения их собственной программы, но учета взглядов и мнений их оппонентов, как внутри либерального движения, так и вне его.

Наиболее широко проблемы образования обсуждались на III съезде Союза 17 октября, который проходил 4—8 октября 1909 г. На съезде работала секция по народному образованию, председателем которой был избран В. К. фон Анреп. Он возглавлял и комиссию по народному образованию в III Государственной Думе [11, с. 91—93, 108—110, 122—124]. Кроме В. К. фон Анрепа, с докладами по проблемам образования выступили члены фракции октябристов в Думе — профессор Казанского университета М. Я. Капустин и товарищ председателя думской комиссии по образованию Е. П. Ковалевский.

Итак, программа октябристов в области образования требовала следующее: правительство и народные представители должны приложить все необходимые усилия для скорейшего введения всеобщего начального обучения; увеличение средних и высших учебных заведений, в особенности технических, до такого количества, которое бы удовлетворяло насущные нужды страны; предоставление самой широкой общественной и частной инициативы в деле открытия и содержания учебных заведений; пересмотр учебных программ с целью их упрощения и приведения в соответствии с насущной жизнью народа; установление прямой преемственности между различными ступенями школ [12, с. 347].

Опираясь на материалы съездов, думских прений и на другие разделы программы, мы можем отметить дополнительные принципы образовательной политики, которых придерживались октябристы. В первую очередь это обеспечение равного доступа к образованию всех подданных империи без различия пола, религии и национальности. Во-вторых, это гарантии бесплатности обучения, по крайней мере, в начальной школе. В-третьих, поддержка прав родителей на активное участие в образовательной жизни детей. В-четвертых, улучшение материального положения учителей, а также значительные усилия для подготовки преподавательских кадров для начальной и средней школы. Также октябристы выступали за повышение полномочий педсоветов в учебных заведениях, за развитие внешкольного обучения, настаивали на введении всеобщего начального обучения в десятилетний срок (который затем был увеличен до 25 лет) [11, с. 55—56, 122—124].

В ходе прений и обсуждений были более детально сформулированы позиции октябристов по реформе среднего образования. На III съезде партии отмечалось, что Россия должна в короткие сроки догнать западные страны по уровню развития и доступности среднего образования. Были отмечены первоочередные задачи октябристов в вопросе средней школы: 1) она должна быть национальная — русская; 2) должна быть повышена ее воспитательная роль, что в свою очередь возможно только при наделении должными полномочиями педагогических советов, допуске семей учеников в школы, значительной децентрализации школьного дела; 3) она должна давать общее среднее образование, т. е. быть не только подготовительной ступенью в университеты, но и иметь законченное практическое значение [11, с. 136—138].

Рассмотрим программу кадетов: 1) народное образование должно быть организовано на принципах свободы, демократичности и децентрализации; 2) полная свобода частной и общественной инициативы в учреждении и организации учебных заведений всех видов; 3) установление органичной связи между всеми ступенями школ; 4) снятие наиболее одиозных ограничений на право занимать должность преподавателя (свобода преподавания); 5) введение широкой автономии для высших учебных заведений; 6) увеличение количества высших учебных заведений, в первую очередь технических, снижение платы за обучение в них (пункт программы земцев-конституционалистов о полной бесплатности всего обучения, как и многие другие, которые не соответствовали программе «Союза освобождения», был отвергнут комиссией авторов программы); 7) уничтожение всех ограничительных мер к поступлению в школы всех ступеней; 8) поступательное увеличение числа средних учебных заведений; 9) расширение прав местного самоуправления в деле образования, вплоть до передачи дела его заведыванием полностью на места [12, с. 333].

Таким образом, либеральные программы в целом декларировали схожие принципы. Программы октябристов и кадетов были ориентированы на общую эволюцию политической системы и общественного строя России, а также были связаны с другими разделами их доктрин.

Так, по их мнению, углубление гражданско-правовых основ общества возможно лишь при просвещении народа, только свободная личность может стать подлинным фундаментом гражданского общества. Образование выступало в качестве ведущего средства достижения этой свободы [22, с. 89—91].

Народное самосознание, которое может возникнуть только при правильно поставленном деле образования, по мнению лидера кадетов П. Н. Миллюкова, должно стать прочным фундаментом подлинного правового порядка. Октябристы занимали схожую позицию. Важность работы их думской фракции в области образования не раз отмечалась в ходе работы III съезда партии В. К. фон Анрепом, М. Я. Капустиным, Е. П. Ковалевским и некоторыми другими [11, с. 60].

Кроме того, октябристы смотрели на необходимость развития образования и под другим углом. Помимо усиления реакции просвещение народа должно было уберечь страну от новой революции. По их мнению, неграмотные и малообразованные люди были наиболее восприимчивы к леворадикальной агитации, зачастую не понимали подстрекательной сущности их деятельности. Несмотря на сдержанную критику нового избирательного закона, принятого летом 1907 г., октябристы отмечали в нем и положительные черты. Так, М. Я. Капустин — председатель бюджетной комиссии в 1907—1917 гг., в речи по поводу роспуска II Думы отмечал, что новые правила будут в ближайшей перспективе иметь положительное значение, т. к. среди депутатов будет гораздо меньшее число откровенно неграмотных необразованных людей, единственным желанием которых было насильственное перераспределение земли в их пользу [4].

Таким образом, октябристы еще раз подчеркивали, что подлинное гражданское общество возможно только среди образованного народа. Профессор М. Я. Капустин утверждал: «Надо, чтобы в широких слоях населения укрепилось сознание необходимости Г. Думы, сознание, что возврат к прошлому нежелателен и невыносим» [11, с. 47]. Просвещение должно уберечь Россию и от возвращения в деспотию, и от революционных потрясений. В то же самое время в разжигании революции обвинялись не только различные радикалы, но и само правительство, которое как будто намеренно принимает положения и уставы, которые не могут не спровоцировать волнения. В частности, в таком контексте речь шла об университетском уставе 1884 г. [11, с. 160—165]. Схожие взгляды выражал лидер кадетов П. Н. Миллюков, говоря о попытках официальных печатных органов дискредитировать Государственную Думу и другие завоевания революции [9, с. 431—433].

В работах и выступлениях видных кадетов Н. И. Кареева, М. М. Клевенского мы обнаруживаем критику правительства, которое, по их мнению, намеренно тормозит всякую полезную деятельность в сфере образования.

Солидарную позицию занимали и октябристы. Неоднократно с думской трибуны промедление Министерства просвещения в введении всеобщего обучения и реформе средней школы называлось крайне опасным, а в 1914—1915 гг. министерство в своем бездействии стало обвиняться в нарочном вскармливании новой революции [6, стб. 322—333].

Таким образом, образовательные доктрины кадетов и октябристов имели довольно много общего — зачастую они выступали с единых позиций и в печати, и с трибуны российского парламента.

Следует теперь акцентировать внимание на различии программ кадетов и октябристов, которые не нарушали видимого единства целей и задач в образовательной политике, но были принципиальными и отражали разное видение не только схожих целей, но и методов и путей их достижения.

Крайне дискуссионным внутри либерального лагеря были вопросы, связанные с инородческой школой. Различия их программных позиций в вопросах национального образования, являлись отражением противоречий кадетов и октябристов в целом по национальному вопросу. Несмотря на то, что обе партии придерживались мнения о необходимости всяческого развития личности, снятия всех ограничений сословного, религиозного и национального характера, степень свободы и национального самоопределения у них серьезно отличалась. При этом важно учитывать, что складывание их программных требований проходило на фоне революционных событий 1905—1907 гг., когда с новой силой вспыхнули национальные движения на окраинах. Остроту вопросу придавал тот факт, что собственно русские составляли менее половины населения империи. То есть, очевидным фактом, как для кадетов, так и для октябристов было приниженное положение инородцев и иноверцев. Газетные статьи, выступления на съездах, конференциях и с думской трибуны отражают мнение партий по этому вопросу.

Ключевой проблемой национальной школы был язык преподавания. Кадеты здесь выступали за самые широкие права. В начальной школе преподавание на родном языке должно было стать обязательным для всех инородцев, которые обладали развитой письменностью. Кадеты выступали за постепенное введение родного языка и в средних учебных заведениях [14, с. 229], утверждая, что «условием, без которого невозможно умиротворение окраин и правильное проведение там всеобщих выборов, является, главным образом, свобода употребления местных языков в общественной жизни и школе» [18, с. 190]. Кадетами отстаивались права евреев (активность проявлял депутат Н. М. Фридман). П. Н. Милюков, в свою очередь, особое внимание уделял украинскому вопросу, который правые в Думе вообще считали неактуальным в силу непризнания самого факта существования украинского народа. Правые, обвиняя деятелей «украинства» в сепаратизме, наталкивались на ответные обвинения П. Н. Милюкова, что «истинными сепаратистами являются русские националисты, отрицающие самостоятельный украинский язык и украинскую литературу, и поощряющие правительственные гонения, которые уже заставили украинское движение перенести свой центр в австрийские пределы, где возможно и создание украинского сепаратизма» [8, с. 382].

Вообще украинский вопрос был особенно острым для кадетов, т. к. поддержание «украинства» в глазах русской общественности выходило далеко за рамки идеи национально-культурных автономий, разрушало традиционное понимание «триединства» русского народа, что вызывало недовольство не только у представителей правого политического лагеря, но и в среде либералов, даже у самих кадетов — П. Б. Струве, Д. Д. Протопопова и др. Последний видел в украинских стремлениях вредный мелкий национализм [15, с. 19]. Украинские члены партии требовали открытого обвинения П. Б. Струве за его взгляды, отклонявшиеся от позиции ЦК по национально-культурным вопросам [14, с. 194].

Октябристы также признавали право инородцев на национальную школу, где все предметы, за исключением русского языка, должны были преподаваться на местном языке. При обсуждении вопроса в комиссии по народному образованию В. К. фон Анреп высказал мнение, что для каждой отдельной народности должен быть издан свой закон, т.к. народы, населяющие Россию, находились на разном уровне развития. Ключевым отличием здесь было то, что октябристы говорили о начальных училищах, выступая затем за исключительные права русского языка. По их мнению, школа должна давать не только определенный набор знаний, но и воспитание в «русском государственном духе». Иначе говоря, октябристы признавали, что одной из целей системы образования является воспитание граждан России, осознающих принадлежность к единой большой стране. В. К. фон Анреп на петербургском собрании Союза 17 октября, весной 1909 г., еще раз сформулировал партийную позицию: «школа должна развивать детям любовь к своему государству, должна не замалчивать то, что составляет гордость народа, должна, не угнетая ничьей культуры, веры и языка, стараться привязать к русскому, как к родному. Изучение русского языка, географии и истории на русском языке должно быть для всех обязательно» [11, с. 47]. Относительно украинского вопроса, октябристы здесь были солидарны с правыми и вообще выступали против каких-либо автономий, называя этот процесс «дележом России» [11, с. 357].

Отношение к инородческой школе стало поводом для взаимных обвинений кадетов и октябристов то в реакционности, то в заигрывании с революцией. В. К. фон Анреп заметил по этому поводу: «...обе партии стоят за конституцию, за свободу, за просвещение <...> пунктом разделения является национальная идея. Октябристы — национальная партия, кадеты — космополитическая» [11, с. 61].

Каждая партия видела решение проблем национальной школы по-своему. Кадеты пытались сохранить единство страны путем максимально возможного расширения национальных прав, создав такие условия для инородцев, чтобы им просто незачем было стремиться к отделению. Октябристы, напротив, настаивали на использовании школы для сохранения полного единства государства, воспитания российских граждан, но с сохранением их национальных черт.

Серьезные разногласия проявились во время работы над законопроектом о всеобщем начальном обучении. Касались они степени его децентрализации. Так, кадетская доктрина в этом вопросе гласит следующее: «Свобода частной и общественной инициативы в открытии и организации учебных заведений всех типов и в области внешкольного просвещения; свобода преподавания» [12, с. 333]. Требование октябристов сформулировал В. К. фон Анреп: «Государство, конечно, должно иметь широкий контроль над школой, должно установить минимум знаний для получения известных прав, должно подготовить кадры преподавателей, но не должно непосредственно управлять школой, не должно непосредственно ею заведывать. В этом отношении мы стоим за широкую децентрализацию...» [11, с. 92].

Можно заключить, что кадеты и октябристы по-разному видели степень децентрализации школьного дела. Первые справедливо указывали, что, выражая поддержку местному самоуправлению в развитии школьного дела, октябристы лишали их права деятельного прямого участия в школьной жизни. При этом на те же земства и города ложилось бремя финансового

содержания этих школ. Иначе говоря, октябристы поддерживали широкие права органов местного самоуправления, частную и общественную инициативу в учреждении и содержании школ, но выступали за организационный контроль со стороны Министерства народного просвещения.

Еще раз отметим, что кадеты выступали за полную децентрализацию, передачу начального и среднего образования в руки самоуправления, за широкую автономию университетов. Октябристы же, признавая важную роль земств, пытались не идти на конфронтацию с Министерством просвещения. Так, школы на местах разных ступеней через инспекторов и училищные советы, по их мнению, должны были оставаться под министерским надзором. Кроме того, В. К. фон Анреп выступал за передачу под контроль министерства и церковно-приходских школ, что было весомым шагом на пути к единству школы. Октябристы не были их противниками, но они считали, что при сохранении текущего «дуализма» в начальном образовании, всеобщее обучение невозможно: «необходимо уничтожить в корне ту борьбу <...>, которая существует в настоящее время между школами церковно-приходскими и земскими, но уничтожить это соревнование можно только одним путем: необходимо сосредоточить общее заведывание всеми школами в руках одного хозяина; необходимо и для школ земских, и министерских, и церковно-приходских дать одну общую инспекцию, одно общее наблюдение» [11, с. 25]. Утверждая это, октябристы ссылались на авторитетные для себя имена Н. А. Корфа, К. Д. Ушинского и Н. И. Пирогова [11, с. 274].

Кадеты придерживались схожих взглядов относительно церковно-приходских школ. Они считали, что их создание в 1880-е гг. стало результатом испуга правительства в неконтролируемом росте земской инициативы. Упразднение церковно-приходских школ и передача их местному самоуправлению было одной из задач кадетской политики. П. Н. Милуков заметил, что в данном вопросе они с октябристами шли вместе [8, с. 321].

Несмотря на признание автономности высшей школы, как нормального для нее состояния, октябристы считали, что в текущих политических условиях, когда страна еще не оправилась от революции, с ней следует повременить, т. к. с этим «страшным словом» в Министерстве просвещения ассоциируются студенческие беспорядки [11, с. 126]. Тем не менее, принцип академической автономии оставался ключевым во взглядах октябристов [11, с. 165]. Они предлагали сделать университетскую автономию одним из последних шагов в общем реформировании системы образования, когда и власть, и общественность, будут готовы для данного шага.

Интересен тот факт, что вопросами образования в либеральных партиях занимались люди, непосредственно связанные с ним, чаще всего работники высшей школы. На наш взгляд, этим и трактуется их требование автономности высшей школы. Подчинение ее Министерству просвещения воспринималось в студенческой среде и среди многих профессоров не столько в контексте несвободы развития самой науки, сколько в слепой убежденности в исключительной реакционности правительственной политики, ее откровенной «узости и тупости» [7, с. 129]. Кадетская программа реформы высшей школы пыталась перенести западноевропейские порядки, которые формировались длительное время, в Россию, которая была не готова к такому явлению. Сомнительным представляется это требование и в том плане, что само существование университетов оплачивалось из казны, следовательно, подчинение высшей школы Министерству просвещения, на наш взгляд, являлось

совершенно логичным. В этом плане гораздо более естественным выглядит автономия частных вузов, которые обеспечивали себя сами. В тех случаях, когда эти вузы выдавали какие-либо свидетельства об их окончании, сохранялась их связь с Министерством (в утверждении уставов и дисциплин). Когда же вузы не предоставляли дипломов слушателям, они были полностью автономны.

В этой связи мы должны отметить большую продуманность именно октябристской программы в вопросах автономии. Они признавали ее необходимость как нормальное условие развития высшей школы, но в то же время они адекватно оценивали тогдашние общественно-политические реалии: 1) авторитарный режим; 2) отсутствие демократических гражданских традиций у большей части населения; 3) политизированность высшей школы, которая при любом послаблении всегда становилась очагом революционного движения. Тактика октябристов на поэтапные эволюционные изменения всей жизни России представляется нам наиболее удачной, соответствовавшей потребностям эпохи.

Существенно отличались взгляды октябристов и кадетов на вопросы политической организации студенчества. Обе партии выступали с позиций академизма, хотя кадеты обладали своими студенческими фракциями, в то время как октябристы говорили о необходимости полного изгнания политики из вузов. На фоне растущего студенческого движения в начале 1911 г., П. Н. Милюков высказал позицию: «Или совершенное закрытие студенческой фракции к.-д. как таковой, или предоставление ей действовать на свой собственный страх и риск без всякого руководства и ответственности со стороны партии» [19, с. 308]. Такая двойная позиция стала серьезным ударом по их репутации среди молодежи.

Таким образом, либеральная программа развития отечественной школы складывалась постепенно и долго. В ходе этого процесса учитывались национальные традиции, а также западноевропейский опыт. Либеральным партиям России удалось предоставить развернутую программу преобразования всей системы народного образования. Они преследовали общие идеалы и цели. С другой стороны, мы должны отметить, что даже либеральная программа, выдержанная в духе прогрессивного европейского развития, была для России начала XX в. еще слишком радикальной. Требования введения всеобщего обучения в кратчайшие сроки, ликвидации церковно-приходских школ, максимальной автономности всех ступеней обучения, создания форм самоорганизации деятелей народного образования, на наш взгляд, соответствовали интересам России. Однако в условиях отсутствия широкой демократической традиции, большого культурного разрыва авторов программ и основной части населения страны, финансовых средств на эти мероприятия, либеральная программа народного образования представляется утопичной, а с учетом основных фактов политики правительства, не желавшего идти на системные реформы, еще и опасной с точки зрения усиления раскола между властью и обществом.

Учитывая вышесказанное, мы должны отметить, что программа октябристов представляется в более выгодном свете, по сравнению с кадетской. Первые, очевидно, понимали неготовность России к коренной ломке системы образования, которая стихийно формировалась долгие десятилетия в условиях самодержавия. Но даже их программа расценивалась правительством как слишком радикальная.

Список литературы

1. III Государственная Дума. Сессия I. Отчет фракции народной свободы с приложениями речей депутатов. СПб.: Тип. т-ва Екатерингофское печатное дело, 1908. 127 с.
2. Всеобщее образование в России. М.: Типо-лит Рихтер, 1902. Вып. 1. 203 с.
3. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 37.
4. Голос Москвы. 1907. 9 июня. № 133.
5. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907—1908 гг. Сессия I. Ч. 2. СПб.: Государственная типография, 1908. 2962 стб.
6. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты Сессия I. Ч. 3. 1913 г. СПб.: Государственная типография, 1913. 2699 стб.
7. Либеральное движение в России. 1902—1905 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 648 с.
8. Милюков П. Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 528 с.
9. Милюков П. Н. Революционеры справа // Год борьбы. Публицистическая хроника 1905—1906. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1907. 550 с.
10. Освобождение. 1905. №. 69—70.
11. Партия «Союз 17 октября». Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. Т. 2. 1907—1915 гг. М.: РОССПЭН, 2000. 512 с.
12. Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX в. М.: РОССПЭН, 1995. 464 с.
13. Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905—1911 гг. Т. 1. М.: РОССПЭН, 1994. 528 с.
14. Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1912—1914 гг. Т. 2. М.: РОССПЭН, 1997. 520 с.
15. Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1915—1920 гг. Т. 3. М.: РОССПЭН, 1998. 590 с.
16. Протопопов Д. Д. История Санкт-Петербургского комитета грамотности, состоявшего при Императорском вольном экономическом обществе. (1861—1895). СПб., 1898.
17. Соловьев К. А. Кружок «Беседа»: в поисках новой политической реальности, 1899—1905. М.: РОССПЭН, 2009. 287 с.
18. Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1905—1907 гг. Т. 1. М.: РОССПЭН, 1997. 744 с.
19. Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1908—1914. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2000. 655 с.
20. Чарнолуцкий В. И. Земство и народное образование. Ч. 1. СПб.: Изд. Тов-ва «Знание», 1910. 187 с.
21. Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в революции 1905—1907 гг. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1939. 374 с.
22. Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М.: РОССПЭН, 2015. 864 с.
23. Шипов Д. Н. Воззвание объединиться независимо от различия политических убеждений, чтобы обеспечить производство выборов в Государственную Думу. М., 1905.
24. Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1918. 592 с.